

ВСЕ ГРОМЧЕ МУЗЫКА ПЕЧАЛИ...

Сегодня мы хороним Булата Окуджаву. "Теперь одним светочем будет меньше, одной великой могилой больше" — сказал его друг писатель Анатолий Приставкин. От нас уходят те, кого мы любим. И музыка печали и вечного прощания становится куда громче любви. В Париже перед смертью Булат Окуджава принял крещение. В Москву он вернулся Булатом-Иоанном. Какое место он занимал в нашей жизни? Чем он был для нас? Просто талантливым писателем? Поэтом? Можно бесконечно долго говорить, но что ни скажешь, любое произнесенное слово звучит фальшиво: поэт — да, талантливый — да, символ времени, огромная утрата. Все — правда, и все невозможно высказать вслух... Читайте 3-ю стр.

Фото Анатолия БЕЛЯСОВА.

Булат Окуджава. — 1997. — 19 ноября. — с. 1, 3

ПАМЯТИ ПОЭТА

Гроб с телом. Прибыл.

ШЕРЕМЕТЬЕВО: ЗА 15 ЧАСОВ ДО ПАНИХИДЫ

Во вторник вечером в аэропорту "Шереметьево-2" все было как всегда: челноки тащили свои огромные коробки, встречающие толпились у выхода из зеленого коридора, люди смеялись, целовались, курили, торпливо заполняли декларации, роняя содержимое сумочек и дипломатов на пол... Рейс 252 Париж-Москва опаздывал. Все было как всегда — за исключением одного: в грузовом отсеке ИЛа-86, летящего из Парижа, везли гроб с телом Булата Окуджавы. Булат Окуджава вернулся на родину.

В багажном отделении открылся люк, платформа грузовика с натужным скрипом поднялась, и на нее выкатили гроб, завернутый в мешковину и перетянутый канатной сеткой. После чего к самолету подъехал трактор "Беларусь" с крошечным железным прицепом на жестяных колесах и высотой всего сантиметров двадцать от земли. Гроб перегрузили на трактор и увезли. За всеми этими действиями наблюдали пассажиры, прижав лица к иллюминаторам. Нам удалось поймать на летном поле машину и поехать следом. Почти никак не закрепленный гроб трясло и швыряло по всему прицепу. Трактор, проехав километра два по полю, добрался до какого-то из груз-

зут в Институт бальзамирования на улице Красина (как раз в этом институте бальзамировали Ленина и Сталина). Замминистра культуры Михаил Швыдкой, который и улаживал все формальности, сказал, что его ведомство и Министерство внутренних дел сделали, что могли, чтобы все прошло гладко. В это время вдова поэта Ольга Окуджава, сын Антон и встречавшие их Василий Аксенов, Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина, Борис Мессерер и другие ожидали в ВИП-зале подачи багажа.

АРБАТ. 10.00. ПАНИХИДА

В среду утром весь район, начиная от Сивцева Вражка до Нового Арбата, был оцеплен милицией: мы с водителем, как ни крутились по арбатским переулкам, но подъехать прямо к Арбату так и не смогли. Чем было вызвано такое оцепление — желанием сдержать людей, которые вели себя достаточно тихо и заграждения не ломали, или оградить приехавших Немцова и Чубайса от осо-

бенной близости с народом — осталось непонятным. Жизнь пишет свой жестокий сценарий панихид и похорон: в почетном карауле у гроба человека, который всю жизнь сознательно отделил себя от власти, стояли ее нынешние представители.

Очередь к Вахтанговскому театру растянулась на пол-Арбата и почти выползла на Садовое кольцо. Многие пришли не в назначенные десять часов, а значительно раньше. Но особых эксцессов и скандалов с людьми не было: правда, многие из работающих в окрестных домах так и не смогли попасть на работу. На все возражения ответ был один: "Вон, видите полковника из ФСБ? Идите к нему". Почти все были с цветами.

Перед лицом смерти все превратилось в единое целое. В одной очереди стояли навороченные новые русские с огромными букетами, которые не сделали ни малейшего движения, чтобы "подвинуть" всех остальных и побыстрее пройти в здание, и старушки с крошечными букетиками и дрожащими руками, знаменитые актеры и писатели и студенты. Но в сердце у каждого был свой Окуджава. Почти никто не разговаривал друг с другом, люди просто молча плакали, проходя в зал и поднимаясь на сцену, где стоял гроб. Толпа шла и шла, а из динамиков вместо привычной траурной музыки пел голос Окуджавы.

Друзья и близкие: печальное ожидание в аэропорту.

В дни юбилея Беллы Ахмадулиной Булат находился в больнице. Но он покинул больничную палату, чтобы поздравить Беллу с днем рождения. Звонок корреспондента "МК" застал Беллу в слезах. Она повторяла тихим голосом одну фразу: "Я не могу говорить, не могу говорить... Не могу..."

Андрей БИТОВ:

— С этой вестью, честно говоря, я еще не справился. Первыми мне позвонили поляки. Я им только и сказал: "Плачу!" Они мне в ответ: "То же самое нам сказала Белла". Булат умел держать дистанцию. Мы давно друг друга знали. Но он старше и поэт знаменитый, и я смотрел на него как бы снизу вверх. Булат Окуджава — самая точная нота времени.

Татьяна БЕК:

— Булат Окуджава — это эпоха нашей юности, нашего посильного сопротивления, надежд, иллюзий, нашей горестной романтики. Это огромная часть жизни нескольких российских поколений. Он — лучшее, что в нас было и с чем мы, постарев, не справились.

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ:

— Встречали гроб с Булатом его близкие и друзья: Белла Ахмадулина, Василий Аксенов, Борис Мессерер, Юлиу Эдлис. Думаю, душа прилетела раньше гроба. Очень точно сказал Аксенов: "Мне кажется, что Булат сейчас с нами". Оля, жена, держала мужественно. Рассказала о его последних минутах. Увы, виновата медицина. Лечащий врач сказал, что одна из главных причин гибели Булата — страшный внутрениний стресс. Белла и Вася вспомнили, как он ранимо переносил нападки на него в прессе. Он не показывал вида, но под броней жесткого борца болело незащищенное сердце. Интересно, что эта травля была только в окололитературной среде. А таланты, не имеющие комплекса неполноценности и вполне осуществленные как творческие личности, как, например, Шевчук, Гребенщиков, Городничий, — они боготворили Булата. И только неосуществленные, с комплексом зависти добились своего и думают теперь, что место Булата наконец освободилось. Напрасно надеются... Булата нет. И это страшно. Есть его песни, по ним и в XXI веке будут говорить о нашем страшном и безнравственном времени...

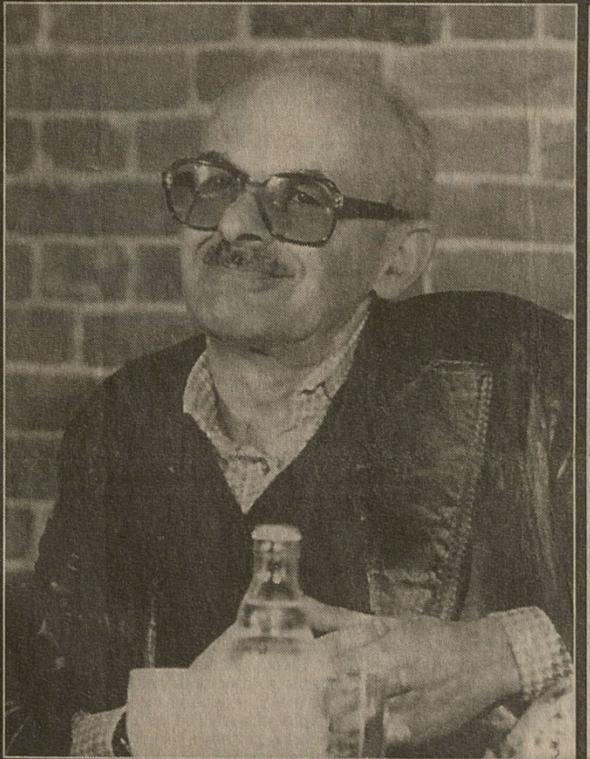
ВСЕ ГРОМЧЕ МУЗЫКА ПЕЧАЛИ...

Плачь по Булату, прибудшая девочка, венок полевой нацепив на ограду. Небо нависло над Переделкином, словно беззвучный плач по Булату.

Плач по Булату — над ресторанами, и над баландой. И на иконе у Иоанна — плач по Булату.

Плачет душа, как птенцы без подкорма, и нет с нею сладу! В ландышах, с запахом амбулаторным — плач по Булату.

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ.

чащее из-под одеяла небритое лицо. Глаза у него слезились.

Чуть приподнимаясь и прикашливая, он попросил меня присесть, указывая на стул. Потом он взял письмо, спросил о погоде, о чем-то еще. Вторично извинился и сказал, что вот, де, простуда, а может, грипп, и вынужден отлеживаться... А они только что переехали... А семья далеко...

Был случай, когда на заседании на Помилование пришел Лев Разгон и пожаловался, что жмет сердце. Я предложил рюмку, он согласился.

Тут же сидящий напротив Булат выдал четверостишие:

Я забежал на улочку с надеждой в голове, и там мне дали рюмочку, а я-то думал две...

— Ну, можно и две, — отреагировал сразу я и принес Разгону еще одну рюмку, которую он аппетитно проглотил.

А следом последовали новые во мгновение возникшие стихи:

За что меня обидели? — подумал я тогда... но мне вторую выдали, а третью? Никогда.

— Почему же "никогда", — тут я как бы в шутку возмутился и сбегал, принес третью.

Смирился я с решением: вполне хорош уют... Вдруг вижу с изумлением: Мне третью подают.

И взял я эту рюмочку! Сполна хлебнул огня! А как зовут ту улочку? А как зовут меня?

Эти стихи он так назвал: "Происшествие с Л.Разгоном".

Хотелось бы рассказать и о поездке в Германию, куда несколькими членами Комиссии Лева Копелев устроил приглашение через Министерство юстиции. Нам устроили экскурсию по тюрьмам и судам, и во время долгих лекций Булат в основном писал стихи.

Где-то в Эрфурте во время жаркой полемики о стукачах из Восточной Германии — штати (тема тогда злободневной) один Булат скромно промолчал, но вскоре показал нам стихи на эту тему. Обсуждали донос и стукачество И сошлись между прочим на том, что и здесь обязательно качество И порядок — а совесть потом...

Я пишу не мемуары. Это всплеск чувств, может быть, сиюминутный и не глубокий, но необходимый для меня самого в такой момент, когда нет рядом никого, кому бы можно было выплакаться.

Предчувствовалось ли это? Было ли что-то, что предопределяло его уход? У него были стихи. Они всегда предчувствие.

Так качаюсь на самом краю И на свечу негоревшему дуо... Скоро увижу маму мою, Стройную, гордую, молодую.

Теперь одним светочем будет меньше, одной великой могилой больше.

Спасибо, Господи, что ты нам послал время для жизни вместе с ним.

риск. И, может быть, потому женщина всегда была для него королевой: "Ваше величество, женщина. Вы неужели ко мне?"

Булат никогда ни о ком не говорил плохо за глаза. Настоящие мужчины не позволяют себе этого. Булат был настоящим во всем. И потому его слово дорого стоило — и поэтическое, и повседневное, булатовское:

Допеты все песни. И точка. И хватит, хватит о том. Но, может, какая-то строчка Осталась еще за бортом.

Ничто из того, что ему было дорого, не осталось за бортом, если понимать под кораблем Дом нашей души. Иерусалим.

Владимир ДАШКЕВИЧ:

— Это тяжелейший удар. Булат — человек, по которому я определял направление своей жизни и всего нашего поколения. Мы несколько раз работали с ним вместе над спектаклями, кинофильмами, над пластинками. Однажды он просил меня диктовать голос скрипки к уже имеющимся записям. Я постарался сделать это тактично, так, чтобы придуманное мной вписывалось в мелодию самого Булата и ее оттенки. Он был доволен. Я очень хорошо знал и его семью: и Олю, и Булю, сына, которого зовут и Антон, и Булат. Эта семья замечательная. О каждом из них можно рассказывать очень долго. А сейчас мне хочется сказать, чтобы они держались: потерял такого отца, такого мужа, как Булат, — это тяжелейшее испытание. Его мелодии, его песни, его голос, который Юлий Ким назвал "кислородом нашей жизни".

ни", донесут до последующих поколений самое лучшее, самое мудрое, самое ценное, что представляло собой наше поколение.

Галина ВОЛЧЕК:

— Я думаю, что у всех, кто здесь сегодня находится, примерно одни мысли в голове, одни чувства, одни эмоции. То место, которое занимал Булат, никто не займет никогда. Вряд ли появится кто-нибудь, равный ему и среди нашего поколения, да и среди пришедших поколений. Он был знаком своего времени. Он был тем аккумулятором, который в себе соединил все: все самое трагическое и самое светлое, что только было в нашей жизни. Это был уникальный человек, и таким он и останется навсегда.

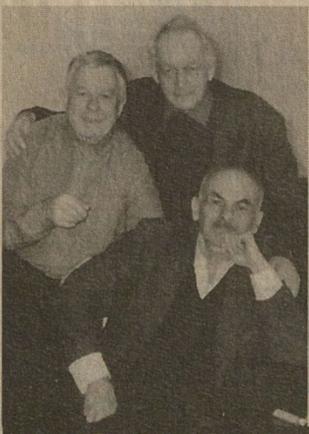
Анатолий ПРИСТАВКИН:

— С тех пор как Георгий Владимов в маленькой компании, приступившая ладской по столу, однажды пропел нам песни Булата, это было году в шестидесятом или чуть раньше, они сопровождали меня всю жизнь и даже снились по ночам.

Ну а если говорить о нас обо всех, он один из немногих, кто смог рассказать нам о нашем же поколении.

У меня была девочка, возлюбленная, и, когда у меня не хватало для нее слов, я пел ей "Агнешку". И я видел, как зажигаются ее глаза. Его "По Смоленской дороге" была для меня тоже родной, ибо это была моя дорога на мою неведомую родину отцов. На Смоленщину.

Но, вообще, у меня во все времена ЕГО ПЕСЕН было непроходящее

Анатолий Приставкин, Лев Разгон, Булат Окуджава.